

Н. В. Дубровская, Особенности семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2011. 245 с.

6 декабря 2011 г. в Москве в Институте языкознания Российской академии наук состоялась защита кандидатской диссертации Натальи Викторовны Дубровской. Работа выполнена под руководством доктора филологических наук А. А. Ким (научный консультант доктор филологических наук Ю. В. Норманская). Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. И. Кузнецова и кандидат филологических наук доцент Д. М. Токмашев.

Интерес к лексике селькупского языка и все усиливающееся изучение не только лексики, но и грамматики первоначально южных, а затем и северных селькупов, имеет в настоящее время более чем полувековой срок (хотя у селькупского языка уже существует трехвековая история письменной фиксации). Автор рецензируемой работы поставила перед собой нетривиальную цель: выявить и описать «ранее не изученные особенности структуры значения у слов с моносемией» (дисс., с. 6; выделено мною — А. К.). Читателю сразу бросается в глаза сочетание «структура значения моносемантических слов». Если значение у слова од-

но, то о какой структуре значения может идти речь? Что имеет автор в виду под словом «моносемия» и «структура значения»? Эти и многие другие вопросы встают перед человеком, читающим работу Н. В. Дубровской.

Исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, списков литературы и сокращений, списка информантов и шести приложений.

Во введении дается краткая предыстория изучения селькупского языка по материалам южных и северных диалектов, отмечается разная степень разработанности фонетики и морфологии при сравнительно редком обращении лингвистов к изучению семантики селькупского языка и его диалектов, изучению, более активно начавшему разрабатываться в последнее время. Автор обратила внимание на два фактора, бросающиеся в глаза сегодня, а именно: большинство работ по семантике в последнее время (речь идет о работах по селькупскому языку) сделано в рамках теории концептов или с точки зрения лингво-культурологии. И практически отсутствуют работы, в которых значение конкретных слов описывалось бы в рамках семантических теорий Ю. Д. Апресяна (что и понятно, учитывая разно-

типность анализируемых языков). Автор обратилась к изучению «феномена семантической деривации [---] и построению типологии лексического значения с точки зрения реализации семантической деривации» (с. 6). Ее целью стало «выявление и описание [---] особенностей структуры значения у слов с моносемией».

Работа построена максимально четко: 1) По имеющимся словарям выбраны лексемы, описанные как полисемантические, и проанализированы их контексты с выявлением слов, которые можно считать моносемичными. 2) Проведено анкетирование носителей говора обских чумылькупов селькупского языка, а по текстовым материалам А. П. Дульзона уточнено значение выбранных из текста лексем. 3) При определении значения взятых лексем использованы современные критерии разграничения полисемии и моносемии. Конкретным объектом исследования стала семантическая деривация селькупских существительных, отобранных специфическим способом, что представляет новизну метода. Материалом для исследования послужили почерпнутые в основном из словарей (южных и северных селькупов) тексты, общий объем которых составил 29 тысяч лексических единиц.

Глава I (с. 13—51) посвящена теоретическим и методологическим аспектам исследования семантической деривации. Здесь присутствует добротный сделанный обзор литературы по решаемой проблеме. Рассматривается лексическое значение и его компоненты в селькупском языке; уделяется внимание проблеме различения понятий 'значение' и 'смысл'; 'денотативное' и 'сигнификативное' значение. Отдельно автор рассматривает т. н. структурное значение, касается прагматического аспекта лексического значения; описывает мотивирующий компонент семантики слова и микрокомпоненты значения слова и т. д. Фактически автор, с разных точек зрения оценивая один и тот же предмет или факт, дробит значения на все более мелкие части, что приводит ее к получению иерархически выделенных компонентов (напр., архисема, диффе-

ренциальные семы, потенциальные семы). Иначе говоря, такого рода дробление сем, которые выражают разные, но чем-то сходные или смежные понятия, традиционно называется многозначностью или полисемией (с. 30). Подобная методика подробного описания связанных с многочисленными разными точками зрения фактов параллельного семантического развития слова, описания, растянутого в общей сложности на множество параграфов и страниц, демонстрирует начитанность автора, но еще не позволяет сказать, что сделано открытие, разрешающее получить принципиально новый вывод, а именно: какую же новую методику анализа можно и нужно использовать при решении задач данной работы? Автор и сама завершает главу признанием, что «особенности соотношений значений в рамках моносемии еще мало изучены и (хотя точнее *но* — А. К.) их анализ представляется важным как для селькупской лексикографии, так и для теории семантики» (с. 50).

Тем не менее, автор формулирует задачи, которые должны быть обсуждены в главе I: 1) установить, как же устроена семантическая деривация в селькупских диалектах, какие частные значения порождаются по тем или иным образцам, какие не различаются совсем; 2) решить, как описывать семантическую деривацию в словаре.

Глава II (с. 52—126) «Несостоявшаяся полисемия» — самая большая в работе. Н. В. Дубровская обратилась к анализу слов южноселькупских диалектов, в которых многие слова описываются как полисемичные, но, по мнению автора, таковыми не являются. С этой целью автор рассмотрела слова четырех тематических групп: наименования родовых понятий; наименования небесных светил; наименования пространственных и временных ориентиров; анатомическую (соматическую) лексику.

Следует сразу оговорить, что привлеченная для решения проблемы группа слов (представленных здесь далеко не в полном объеме) в большинстве своем не относится к самой распространенной части лексики, к тому, что еще недавно называли основным словарным

фондом языка. Поэтому делать глобальные выводы возможно было бы только в том случае, если одновременно рассматривать слова других семантических групп, входящих в круг слов, считавшихся и называвшихся основным словарным фондом языка и (что важнее) характерных для языков одной генетической семьи. Тем не менее, о ряде особенностей семантической деривации слов на примере рассматриваемой группы судить можно, тем более что автор раздвинула границы исследуемого материала и стала сравнивать слова уральских языков в анализируемой группе с аналогичными словами, относящимися не только к самодийским и другим уральским языкам, но и к языкам, далеким от уральских (см. табл. 3, с. 72—74), например, тюркским (алтайский, якутский), тунгусо-маньчжурским (эвенский, ороцкий, эвенкийский; см. с. 123—124).

Привлечение для сравнения значительного количества языков и их диалектов, скрупулезный анализ разных значений слов, входящих в четыре тематические группы, позволяет автору сделать вывод о лабильности значения: «Семантическая структура существительного очень хорошо демонстрирует путь развития многозначности лексемы», или, пользуясь терминологией Е. В. Урысон, «вызревания новых значений» (с. 70). Автор приходит к общему выводу о том, что для праязыка «следует предполагать моносемию, поскольку эволюция полисемии с одними и теми же значениями в моносемию представляется маловероятной».

Сделанные выводы Н. В. Дубровская подкрепляет многочисленными примерами из разных диалектов (как южных, так и северных). К сожалению, в приводимых примерах встречаются неточности в переводах, как на с. 81: *somaŋ ilytyl' cēly!* 'Добрый день, здравствуйте!' вместо 'Хорошо проживите день!' (букв. 'хорошо проживаемый день').

В некоторых своих значениях существительное входит в состав сложных единиц, которые передают понятия «сегодня, вчера, позавчера, завтра, послезавтра» (с. 89 и др.).

Скрупулезный анализ значений слов, рассмотрение которых давалось на материале диалектов и говоров селькупского языка, автор проводит и в других языковых семьях и группах языков (напр., палеоазиатские, алтайские, с. 94—95).

Помимо рассмотренных существительных, Н. В. Дубровская, используя словари, созданные многими исследователями из разных стран и веков, описывает особенности семантической структуры слов, означающих некий предел. Например: *сiру* 'конец, задняя часть'; *чи-лы* '1. горизонт; 2. конец (чего-либо)'. Или: *чиб* и др. '1. конец, 2. край, 3. корма (лодки); 4. дно; 5. конечность' и т. д. Она приводит 10 рисунков (табл. 5, с. 97—99), позволяющих понять, что именно можно назвать «концом, пределом чего-чего-либо». Это может быть, например, конец хвоста змеи, за который ее удалось поднять; окончание (конец) сказки; концы полозьев нарт и др. В таблице дается (помимо выразительных рисунков) не только дословный перевод на русский язык сочетаний, содержащих то или иное существительное (№ 10: таз. *qaqlyt cipy* 'конец нарты': имеются в виду ее полозья), но предлагаются и примеры с комментариями.

Судя по приведенным примерам, автор пытается сделать обобщение явлений, предметов, встречающихся «в пространстве, во времени, в состоянии» (с.100), называя это 'пределом'. К сожалению, она не обратила внимания на встречающиеся варианты ярко выраженной энантиосемии (термин ввел В. И. Шерцль в 1884 г.), при которой одно и то же слово имеет прямо противоположное значение, как в коми *пом* и 'конец', и 'начало'; в кетском *сирь* 'конец (нитки, веревки)' в одном говоре и 'начало' — в другом.

Нередко Н. В. Дубровская в сложных случаях, вызывающих у нее сомнение, обращается к экспериментам. В качестве такового можно привести эксперимент с элементом *лага/лака*; это слово то выступает в функции представителя грамматического класса существительных, выражает значение единичности, то — собирательно-

сти, что автор объясняет «спецификой значения существительного» (с.118), и что можно считать проявлением все той же энантиосемии.

Таким образом, автор смогла внимательнее многих исследователей, часто прокладывая впервое дорогу к селькупскому языку и его разным диалектам и говорам, посмотреть на оставшиеся до сих пор вне поля зрения «темные пятна» в селькупском языке и высказать ценные предложения для их решения. Вместе с тем, внимательно рассматривая «реальное устройство семантической деривации» (с. 126), автор попыталась показать «пути 'вызревания' полисемии», предусматривая возможность расхождения вариантов значений в северных и южных ареалах.

Глава III (с. 127—154) посвящена особенностям деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка, а именно: полисемии vs. моносемии. Речь идет об изучении метафорических переносов у соматических терминов в языках мира. Это — тема, давно и хорошо разрабатываемая лингвистами на примере многих разных языков, но никогда не касавшаяся селькупского.

Н. В. Дубровская анализирует семантические структуры существительных 'голова', 'глаз', 'макушка', 'рот' и др. При анализе существительного, означающего рот, Н. В. Дубровская, обращает внимание на понимание селькупцами чума как живого организма и констатирует отчетливо видные «следы явления персонификации естественных объектов»: крыша — это макушка (*madat par*); дверь жилища имеет глаза (*motal' sajmi*), чтобы изучить и запомнить всех входящих. Дом имеет рот-дверь *mādan ak*, чтобы приветствовать всех входящих в дом и прощаться с выходящими и т. д. (с. 135).

Исследователь обращает внимание и на аналогичные переносы значений в северных диалектах селькупского языка, появление слов *okoškanək* 'проем окна', *pecyt ək* 'печное отверстие' (букв. 'окошка / печки рот'). Подобные переносы значений рассмотрены для слов, означающих части тела.

В Заключении (с. 155—156) автор выходит на хороший уровень научных обобщений и, суммируя особенности моносемии, ранее никем не выявленные, ставит вопросы: чем обусловлено наличие «несостоявшейся полисемии» со значительным различием между значениями в рассмотренных словах? Восстановима ли моносемия анализированных слов и для праязыка? Или искомые различия связаны не с генетической принадлежностью селькупского языка, а с образом жизни их носителей? На эти вопросы она не берется давать ответы, но полученный ею результат важен, прежде всего, для лексикографического описания селькупского языка. Соотношение компонентов значения анализируемых слов и рассматриваемых понятий позволяет выяснить, действительно ли моносемия, о которой шла речь, представляет собой зарождающуюся полисемию, имеет ареальную природу или наследуется из праязыка.

Для решения этих вопросов автор считает необходимым выявить синхронную моносемию в современных языках, что позволит уточнить реконструкцию значений в праязыках, где, возможно, были не только моно-, но полисемичные праязыки.

Завершают работу Список литературы (более 350 наименований); Список сокращений и Список информантов и шесть приложений, среди которых некоторые могут вызвать вопросы (напр., Приложение 1, касающееся выделения говоров и диалектов селькупского языка); Корпус текстов по селькупскому языку (северный ареал — 33, южный — 65 текстов); Частотность употребления существительного (в северном и южном диалектах); Полисемантические существительные селькупского языка по материалам лексикографических источников и Данные психолингвистического эксперимента «Ответ — реакция на слово-стимул».

Рецензируемая работа, как видно по приложениям, сделана на огромном, хорошо обработанном материале. Полученные результаты ведут к постановке и решению новых задач. Исследование Н. В. Дубровской мо-

жет привлечь к себе внимание лингвистов-типологов, поскольку селькупский язык рассматривается в сравнении не только с языками уральскими, но и на фоне многих других языков. В частности, проводится сравнение с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Новые выводы, полученные автором по теме, связанной с исчезающи-

ми языками, могут заинтересовать многих лингвистов.

АРИАДНА И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Address

Ariadna I. Kuznecova
Moscow State University
E-mail: aikuznec@yandex.ru